

Глава 1. Предначертанная встреча

В час заката весь мир, укрытый мягким саваном уходящего солнца, обычно дышит теплом и покоем. Но нынешние сумерки словно лишили землю красок, оставив лишь безмолвную монохромную пустоту — застывший, всеми позабытый свиток, писанный тушью.

Тишину внезапно разорвал звук.

Кап... Кап...

Тяжёлые капли крови глухо падали на землю. Сюань Ли в оцепенении, отказываясь верить собственным глазам, глядел на зажатый в руке ледяной меч, с острия которого стекала багровая влага.

У его ног лежал мужчина в лазурных одеждах. Грудь его была залита кровью, но он лишь тепло, с невыразимой нежностью улыбнулся в ответ:

— Если суждено переродиться... в следующей жизни я хотел бы стать человеком. Чтобы просто быть рядом с тобой.

— Лань И!

Сюань Ли резко открыл глаза и сел на постели, тяжело дыша. Слабый ночной сквозняк лениво шевелил полупрозрачный полог кровати. По щекам мужчины беззвучно катились слёзы.

Неужели они действительно больше никогда не встретятся?

Впрочем, глупо было надеяться. Один шанс из десяти тысяч — чудо, которому не бывать. С древнейших времён вселенная не знала подобных прецедентов. Каким же невероятным везением нужно обладать, чтобы пересечься вновь?

«Тогда, в прошлом, Гуй Инь спросил тебя: стоит ли обычный смертный таких жертв? И ты ответил, что стоит».

Сюань Ли горько, надрывно рассмеялся сквозь слёзы:

— И чего это стоило?! Ради чего?!

Слёзы душили его. Он бессильно прикрыл глаза ладонью, пытаясь спрятаться от реальности. В пустой, холодной комнате разносились лишь его тихие, прерывистые всхлипы.

Спустя долгое время рыдания наконец утихли. На часах была первая четверть часа Тигра. Сон ушёл безвозвратно. Накинув на плечи простое верхнее платье, Сюань Ли подошёл к столу, налил остывшего чая и застыл у окна, невидящим взором уставившись в ночную тьму.

— Ах, люди... Начинают ценить лишь то, что безвозвратно потеряли. Да только какой теперь в этом толк? Демонический владыка Лазурных земель мёртв окончательно и бесповоротно, путь в сансару ему заказан на веки вечные. Впрочем, если вспомнить, сколько зла он успел натворить при жизни, подобный исход — вполне справедливая плата, не находишь?

У окна, небрежно прислонившись к раме, стоял мужчина в тёмных одеждах. Его лицо скрывала призрачная маска. Он пристально разглядывал Сюань Ли, явно предвкушая вспышку ярости или хотя бы замешательство. Но его ждало разочарование: взгляд Божественного владыки оставался ледяным и отрешённым, словно незваного гостя здесь и вовсе не было.

— Я вот всё никак не пойму, — вкрадчиво продолжил незванный гость, — раз почтенный Сюань Ли так сильно тоскует по своему возлюбленному, почему бы не отправиться прямиком в Жёлтые источники вслед за ним? Ах, простите, совсем позабыл! Демоническому владыке Лазурных земель ведь закрыта дорога на переправу. Его душа стёрта из мироздания, ни на небесах, ни под землёй от него не осталось и следа...

Договорить он не успел.

Свистящий поток ледяной энергии сорвался с пальцев Сюань Ли. Световое лезвие пронеслось в волоске от щеки пришельца, срезав прядь чёрных волос. В глазах мужчины под маской на мгновение промелькнуло удивление, но он тут же издевательски усмехнулся.

— Он вернётся, — мертвенно-тихим голосом произнёс Сюань Ли. — А вот тебе смерти не избежать.

Прежде чем звук его голоса затих, у горла мужчины уже покоилось сияющее лезвие бессмертного меча.

Гость лишь едва заметно шевельнул пальцами, сплетая защитную печать. Стремительным, неуловимым для глаза кульбитом он выскользнул из-под удара и в мгновение ока оказался уже в сотне шагов, у самого края двора. Сюань Ли тенью устремился за ним.

Погоня продолжалась, пока маска не скользнула под густую сень лесов у подножия горы Бычьей Головы.

Сюань Ли резко остановился на границе леса и нахмурился.

Земли Цюн Ци.

Вторгаться сюда без предупреждения и злить свирепого древнего зверя — затея опасная, грозящая ненужными бедами. Но стоило ему на мгновение заколебаться, как из чащи донёлся насмешливый голос беглеца:

— Что такое? Неужели сам великий Сюань Ли испугался?

«Заманивает в ловушку».

Сюань Ли прекрасно понимал это, но отступать не собирался. Ему хотелось лично увидеть, какую яму этот безумец вырыл на сей раз. Мужчина бесшумно сорвался с места и скрылся в лесной глуши.

Вскоре силуэт преследуемого вновь замелькал между стволами вековых деревьев. Стоило Сюань Ли вскинуть меч для удара, как беглец резко обернулся. На его губах играла торжествующая ухмылка. В то же мгновение земля под их ногами вспыхнула зловещим, мертвенно-холодным светом — активировался скрытый магический массив.

— Сюань Ли! — торжествующе воскликнул Гуй Инь. — Это великое плетение я сотворил специально для тебя! Насладись же «Бесконечным призрачным сном» и оставайся в нём до тех пор, пока твоё тело не истлеет, а душа не рассыплется прахом!

Однако ликование Гуй Иня угасло, не успев расцвести. Прямо перед ним, соткавшись из морозного тумана, возник силуэт человека, которого он до дрожи в костях, до крика ненавидел и боялся при жизни.

Мужчина в лазурных одеждах стоял, небрежно закинув руки за спину, и смотрел на него сверху вниз.

— Гуй Инь... Как ты, жалкая тварь, смеешь распускать свои грязные руки в моём присутствии?!

«Демонический владыка Лазурных земель?! Не может быть!» — Гуй Инь заскрежетал зубами, невольно отступая назад. Сердце его бешено колотилось в груди. «Нет, это ложь. Это иллюзия! Всего лишь игры разума в массиве "Бесконечного призрачного сна". Сюань Ли... недооценил я тебя. Суметь перенаправить ментальный удар обратно на создателя...»

Пока он судорожно пытался взять себя в руки, над ухом раздался холодный, насмешливый голос Сюань Ли:

— Надо же. Кто бы мог подумать, что глубоко в душе ты до сих пор дрожишь перед ним как осиновый лист.

Слова эти эхом пророкотали в сознании Гуй Иня, утягивая его на новый, куда более глубокий уровень ментального кошмара. В одно мгновение реальность вокруг закружилась, и он

обнаружил себя стоящим посреди Кровавого царства бесконечности — в тронном зале величественного Дворца Демонического владыки Лазурных земель.

«Этого не может быть! Мой замок давно разрушен, стёрт в порошок во время войны! Спокойно... Это иллюзия. Всего лишь обман чувств», — судорожно шептал себе Гуй Инь, пытаясь уцепиться за остатки здравого смысла. Но едва обрётённое самообладание рухнуло, стоило ему услышать знакомый, лениво-протяжный голос.

— Гуй Инь, сколько лет, сколько зим.

Неподалёку, вальяжно откинувшись на спинку массивного резного трона, восседал Лань И.

Превозмогая сковавший тело ужас, Гуй Инь медленно, словно сломанная марионетка, повернул голову:

— Нет... Ложь! Ты мёртв! Ты сдох две тысячи лет назад!

Лань И красиво, но пугающе усмехнулся. Он не спеша поднялся со своего места и сделал первый шаг по направлению к гостю:

— Неужели?

Видя, как тот неумолимо приближается, Гуй Инь окончательно потерял рассудок от страха.

— Не подходи... Не смей ко мне приближаться! — взвизгнул он, резко разворачиваясь, чтобы броситься вон из проклятого зала.

Но Лань И лишь слегка повёл ладонью — и тяжёлые двери дворца с грохотом захлопнулись, отрезая единственный путь к спасению. Поняв, что бежать некуда, некогда могущественный демонический владыка без сил рухнул на колени, закрывая голову руками:

— Пощади!.. Я больше не полезу к тебе, клянусь! Не подходи!

Тем временем в реальном мире, на склонах горы Бычьей Головы, мимо места сражения случайно проходили двое мелких бесов.

— Гляди-ка, — прошептал один, косясь на застывших посреди поляны мужчин. — Этот бессмертный господин с виду совсем неопасный. Даже меч из ножен не вынул, а этот в маске уже бьётся в конвульсиях.

— Тсс, не лезь не в своё дело! — шикнул на него спутник, утягивая за собой в кусты. —

Шевелись быстрее, пока нас под горячую руку не пустили. Когда бессмертные дерутся, у обычных бедолаг кости трещат.

Внутри угасающего массива Сюань Ли продолжал медленно наступать, в то время как Гуй Инь в своём иллюзорном кошмаре уже прощался с жизнью. Однако, не дождавшись смертельного удара, пленник иллюзии набрался смелости и осторожно поднял голову. Облик грозного Лань И перед его глазами дрогнул и растаял, уступив место холодному лицу Сюань Ли.

— Любопытно, — негромко произнёс Божественный владыка. — Какие же муки Лань И заставил тебя пережить, раз ты до сих пор так дрожишь от одного его имени?

С этими словами наведенный морок окончательно развеялся. Гуй Инь тяжело задышал, с дикой ненавистью уставившись на своего мучителя. Но Сюань Ли не дал ему опомниться: взмахнув рукой, он призвал свой бессмертный меч. Сияющее лезвие со свистом пронзило грудь врага.

Гуй Инь зашёлся в сухом, мучительном кашле, выплёвывая тёмную кровь. Рана была глубокой, но для бессмертного не смертельной. Поняв, что весь его тщательно подготовленный план пошёл прахом, а шансов выжить в бою один на один не осталось, раненый демон поспешно начертил в воздухе багровый символ побега. Вспышка тёмной энергии — и поляна опустела.

Сюань Ли медленно опустил клинок. Его взгляд оставался холодным и безжалостным.

«Думаешь, сумеешь скрыться?»

Деревня Фулянь

Это поселение, притаившееся у самого подножия горы Бычьей Головы, было самым обычным: не слишком большим, но и не маленьким. Летом местные жители кормились с земли, а с приходом зимы промышляли охотой в окрестных лесах, чтобы хоть как-то разнообразить скудный стол. Однако в последние дни затяжные снегопады укрыли всю округу тяжёлым белым одеялом, и улицы деревни опустели. Даже самые заядлые охотники предпочитали греться у очагов, не желая лишний раз соваться в засыпанную снегом чашу.

На окраине деревни стоял покосившийся, ветхий домишко. Двор его был обнесён хлипким, полусгнившим плетнём, а старая деревянная калитка держалась на честном слове, готовая рухнуть от любого порыва ветра.

У этой самой изгороди прямо на голой земле сидел подросток. На нём была лишь ветхая, тонкая холщовая рубаха, совершенно не защищавшая от лютого мороза. Мальчик дрожал всем телом, пытаясь уберечь остатки тепла.

Каждый порыв ледяного ветра заставлял его сжиматься сильнее. Уткнувшись лицом в колени, он спрятал голову в ладони. На его спутавшихся чёрных волосах уже лежал слой инея и свежего снега. Юноша походил на брошенного, едва открывшего глаза щенка, лишённого всякой защиты и тепла.

Две деревенские женщины, возвращавшиеся с рынка с корзинами, остановились неподалёку. Глядя на замерзающего сироту при живом отце, они лишь сочувственно вздыхали:

— Эх, не повезло парню... Иметь такого отца, как Чэнь Юцай — чистое наказание. Мальчишка изголодался весь, живого места на нём нет.

— И не говори, смотреть тошно на этого ирода. Сердце кровью обливается.

Отец юноши, Чэнь Юцай, пользовался дурной славой во всей округе. Слыл он отпетым бездельником и горьким пьяницей, но главной его бедой была непреодолимая страсть к азартным играм. Всё скромное наследство, оставленное предками — несколько клочков плодородной земли, — он давно спустил за игорными столами.

Лишь к сумеркам Чэнь Юцай соизволил явиться домой. По его угрюмому лицу и бешеному взгляду было ясно: опять проигрался в пух и прах. Заметив у забора скорченную фигуру сына, он мгновенно рассвирепел. Шагнув во двор, мужчина с размаху влепил мальчику тяжёлую затрещину. Тот не удержался на ногах и полетел лицом в сугроб.

— Всё из-за тебя, паршивец! — взревел отец. — Стоит твою кислую рожу увидеть, как вся удача коту под хвост! Чёртов вестник несчастий!

Он со злостью пнул лежащего подростка тяжёлым сапогом в живот.

— Ничтожество бесполезное!

Выместив злость, Чэнь Юцай ввалился в дом. Он тяжело рухнул на издававший виды, лоснящийся от грязи тюфяк, нащупал у изголовья глиняный кувшин и запрокинул голову, надеясь сделать глоток, но посудина оказалась пустой.

— Эй, псина шелудивая! А ну марш сюда! — проорал он на весь дом.

Мальчик, всё ещё лежавший на холодном снегу, с трудом поднялся, преодолевая боль в отбитых рёбрах, и поплёлся в избу. «Псина» — так отец ласково именовал собственного сына с тех самых пор, как тот себя помнил.

Едва парень переступил порог, Чэнь Юцай сунул ему в руки пустой кувшин:

— Иди к лавочнику, принеси вина!

Он полез в карман за медяками, но пальцы наткнулись лишь на пустоту — сегодня он спустил всё до последнего гроша. Осознание того, что выпить не на что, лишило его последних крох самообладания. Мужчина диким взором уставился на сына, словно тот был повинен в его безденежье. Схватив висевшую у кровати плётку, он с отмашкой полоснул мальчика по плечам.

Кожу обожгло невыносимой болью, но ребёнок даже не пикнул. Он давно усвоил простое правило: если кричать или плакать, побои станут лишь яростнее.

Но Чэнь Юцаю этого показалось мало. Удары посыпались один за другим, со свистом рассекая воздух и оставляя на теле мальчика багровые рубцы.

— Это ты во всём виноват! Чёртово отродие! Из-за тебя я проигрываю! Из-за тебя!

Лишь когда рука палача устала, он отбросил плётку в сторону и, тяжело отдуваясь, повалился обратно на постель.

Подобные экзекуции давно стали частью его привычной жизни. Мальчик научился безропотно сносить любые издевательства, понимая, что покорность — единственный способ выжить под этой крышей.

Убедившись, что отец остыл, подросток молча поднялся с грязного пола и, прихрамывая, побрёл на кухню. Нужно было растопить печь, промыть остатки риса и приготовить ужин.

Поев, Чэнь Юцай забрал кувшин, выскреб из старого сундука последние три медяка, чудом уцелевшие от его расточительности, и ушёл прочь, громко хлопнув дверью. Лишь когда шаги отца стихли в отдалении, мальчик позволил себе сесть за стол и торопливо проглотить те объедки, что остались в чугунке. Закончив с трапезой, он поспешил убраться из дома, зная, что пьяный отец ночью вернётся ещё более агрессивным. Его путь лежал к заброшенному сеновалу на краю деревни, где среди сухой соломы можно было укрыться от чужих глаз и переждать ночь.

Деревня Фулянь затерялась в глуши, вдали от больших дорог. Развлечений у местных жителей почти не водилось, поэтому один из зажиточных дворов устроил у себя подобие игорного дома. В зимнее время мужчины частенько захаживали туда перекинуться в кости или карты — чисто ради забавы, выигрывая и проигрывая сущие пустяки. Но Чэнь Юцай играл по-крупному. Словно проклятый, он проигрывал партию за партией, но неудачи лишь распаляли его азарт. Даже содержатели притона из жалости советовали ему остановиться, но тот лишь свирепел в ответ. Каждый раз, возвращаясь нищим, он срывал злость на сыне. Со временем мальчик привык появляться дома только для готовки, а всё остальное время — и в летний зной, и в зимнюю стужу, днём и ночью — проводил на улице, прячась по заброшенным углам.

Эта ночь выдалась на редкость морозной. Мальчик забился поглубже в солому, пытаясь согреться. Губы его посинели, пальцы рук и ног онемели от холода, а перед глазами поплыли серые круги. Наконец сознание милосердно покинуло измученное тело.

Именно в этот момент на окраину деревни, шатаясь, выбрел раненый Гуй Инь.

«Этот проклятый Сюань Ли... вцепился как клещ», — мысленно изрыгал проклятия демон. Рана в груди горела огнём, духовные каналы были повреждены. Медлить с лечением было нельзя. Пусть поглощение жизненных сил случайного смертного осквернит его чистую демоническую основу, сейчас у него просто не оставалось выбора.

Оглядевшись, он заметил лежащего в соломе полумёртвого подростка. Глаза Гуй Иня хищно блеснули:

— Какое сокровище!.. Столь чистая, незапятнанная духовная энергия в теле простого оборванца? Настоящий дар небес! Если я заберу его силу, мои раны затянутся в мгновение ока!

Он плотоядно ухмыльнулся и двинулся вперёд. Три шага, два... Оставалось совсем немного.

Но стоило демону протянуть руку к своей жертве, как бесчувственное тело мальчика внезапно зашевелилось. Подросток медленно поднялся на ноги. В то же мгновение над его хлипкой фигурой соткался призрачный силуэт мужчины в лазурных одеяниях. Его величественные раскосые глаза, подобные очам великого правителя, смотрели на Гуй Иня со смесью ледяного презрения и безмолвной угрозы.

— Лань И?! — перекосило от ужаса лицо демона. — Нет, этого просто быть не может!

Кошмары недавней иллюзии ожили с новой силой. Древний страх, вьевшийся в самую суть его души, мгновенно сковал конечности. Преодолевая оцепенение, Гуй Инь в панике бросился прочь, даже не оборачиваясь.

Когда незванный гость скрылся в ночи, призрачный силуэт Лань И плавно слился с телом мальчика. Глаза юноши распахнулись, и в них вспыхнул глубокий, не по-детски мудрый свет. Он едва заметно усмехнулся:

— Тринадцать... Я вернулся.

Перерождение божественного артефакта в теле смертного — деяние, идущее наперекор воле Небес. Пройти через горнило двух тысяч лет реинкарнаций, чтобы наконец обрести человеческую плоть... Плата за это оказалась велика: с каждой новой жизнью его память угасала, становясь всё более зыбкой. Если бы не глупый Гуй Инь, решивший покуситься на его жизнь и тем самым разбудивший спящую душу, эта редкая, драгоценная жизнь так и прошла

бы в беспамятстве и нищете.

Лань И окинул взглядом свою убогую постель из гнилой соломы. На его лице отразилось брезгливое недовольство, сменившееся горьким вздохом.

Теперь его Тринадцать — великий бессмертный мастер, Божественный владыка Сюань Ли, глава Дворца Небесного Механизма на священной горе Цанъи. А сам он — лишь жалкий нищий оборванец в захудалой деревушке. Обычному крестьянину за всю жизнь не суждено встретить даже младшего ученика великого ордена, не говоря уже о самом владыке.

Но и оставаться в этой яме вечно он не собирался.

Лань И попытался подняться на ноги, намереваясь уйти, но резкое движение отозвалось тупой болью во всём теле — старые рубцы от отцовской плётки дали о себе знать. Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные пятна. Он опустил взгляд на свои тонкие ручонки и истощённое тело. Мальчику шёл шестнадцатый год, но из-за постоянного голода и побоев он выглядел от силы на девять лет. На губах юноши заиграла горькая усмешка, и он обречённо опустил обратно на солому.

Он вспомнил обрывки разговоров местных мужиков. Каждый год на горе Цанъи во время Состязаний Праздника двух девяток объявляли набор новых учеников. Но туда принимали лишь одарённых отпрысков влиятельных и богатых кланов. Простому нищему вроде него не то что не светило стать учеником — его бы даже на порог посмотреть не пустили. Честный путь отпадал сразу.

«Значит, придётся действовать иначе», — задумался Лань И.

Если в окрестностях деревни Фулянь объявится опасная нечисть, орден Цанъи непременно отправит сюда карательный отряд. Вот только чтобы привлечь внимание самого главы Дворца Небесного Механизма, чудовище должно быть поистине легендарным. Ближайшее логово такого монстра находилось на горе Бычьей Головы. Если спровоцировать на бунт свирепого Цюн Ци... Да, это могло бы сработать.

Пока он прокручивал в голове этот безумный план, в вышине ночного неба промелькнул яркий луч света. На сияющем бессмертном мече, величественно паря над облаками, стоял мужчина. Расстояние было огромным, но Лань И хватило одного мимолётного взгляда, чтобы узнать его.

Сюань Ли.

«Тринадцать... Две тысячи лет пролетели как один миг, а ты совсем не изменился. Разве что стал ещё величественнее и холоднее».

Сердце Лань И пропустило удар. Он замер, затаив дыхание, и просто неотрывно смотрел вверх,

боясь пошевелиться. Но видение растаяло так же быстро, как и появилось — бессмертный мастер устремился дальше.

Придя в себя, Лань И с досадой сжал кулаки. Как он мог так глупо упустить этот шанс? Уникальная возможность заявить о себе растаяла в ночном небе из-за его секундного оцепенения.

Впрочем, сожалениями горю не поможешь. Лань И быстро взял себя в руки. Сюань Ли не стал бы тратить время на визит в эту глушь без веской причины. Нападений со стороны Цюн Ци в последнее время не наблюдалось, а значит... дело в Гуй Ине. Скорее всего, Божественный владыка шёл по следу этого беглого демона.

Это значительно упрощало задачу. Не нужно было злить древнего монстра и рисковать жизнями сотен людей. Гуй Инь бежал, испугавшись мимолётного проблеска его истинного духа, но как только демон опомнится и поймёт, что перед ним всего лишь слабый смертный ребёнок, он непременно вернётся, чтобы закончить начатое. Лань И нужно лишь изобразить идеальную жертву и дожидаться встречи.

«Что ж, завтрашняя ночь обещает быть жаркой. А пока нужно как следует выспаться и набраться сил».

На следующее утро первые лучи восходящего солнца коснулись лица Лань И. После сильного снегопада утренний свет казался нестерпимо ярким. Мальчик заслонил лицо ладонью, щурясь, и сквозь пальцы залюбовался искрящимися на солнце сугробами. Вот, значит, какой он — земной снег. Обитатели человеческого мира не лгали, говоря о его неопишуемой красоте.

В Кровавом царстве бесконечности никогда не бывало ни холодных ветров, ни пушистых метелей. О земных чудесах они с Тринадцатю слышали лишь от заплутавших смертных. И тогда Тринадцать, наплевав на собственное здоровье и тратя драгоценные силы, сотворил для него во дворце иллюзию настоящего снегопада.

«Та метель навсегда осталась в моей памяти самым прекрасным зрелищем... Тринадцать, я так сильно хочу тебя увидеть!»

Лань И задумался. Гуй Инь наверняка затаился где-то неподалёку и следит за ним. Чтобы вернуть демону былую смелость и заставить его напасть, нужно разыграть перед ним спектакль: притвориться обычным испуганным мальчишкой, который понятия не имеет о своей истинной сути.

«Эх, значит, придётся вернуться домой и снова получить свою порцию тумачков...» — вздохнул он про себя.

С этими мыслями Лань И побрёл обратно к дому. Обычно в это время Чэнь Юцай уже вовсю проигрывал последние гроши в притоне, но сегодня, вопреки обыкновению, угрюмо сидел в

избе. Лань И сперва удивился, но быстро сообразил: у отца просто не осталось ни единого медяка, да и заложить больше было нечего. Приходилось терпеть и отсиживаться дома. Такое случалось и раньше, так что весь последующий день прошёл для мальчика на удивление спокойно.

К вечеру Чэнь Юцай, измученный суточным воздержанием от игры, окончательно потерял покой. Руки его так и чесались, а бессильная злоба требовала выхода. Он уже собирался сорвать злость на сыне, но Лань И, проявив завидную смекалку, сам поспешно выбежал во двор и привычно встал на колени прямо в сугроб. Отец лишь озадаченно хмыкнул на такую покорность и поленился выходить на мороз, оставив его в покое.

Справедливости ради, у Чэнь Юцай имелись свои причины ненавидеть приёмыша. В былые годы, хоть он и баловался игрой, удача чаще благоволила ему, да и с покойной супругой они жили в полном согласии. Единственной их бедой была бездетность. Но стоило Чэнь Юцаю подобрать на дороге брошенного младенца, как фортуна отвернулась от него раз и навсегда. Проигрыши следовали один за другим, долги росли, и в конце концов несчастная жена, не выдержав позора и нищеты, наложила на себя руки.

Конечно, это проклятие не было случайностью. Священный артефакт, решивший обрести плоть, шёл против законов мироздания. Для успешного перерождения требовалось колоссальное количество чистой удачи, и Лань И буквально высасывал её из окружающих. Любой, кто находился рядом с ним, невольно лишался крупиц собственного везения, которое уходило на поддержание хрупкой жизни перерождённого божества. Так что, если посудить, все эти годы Чэнь Юцай колотил мальчика вполне «заслуженно».

В ту ночь Чэнь Юцай уснул рано. Лань И, как и прежде, устроился на сеновале, свернувшись калачиком, словно брошенный уличный пёс. Его глаза были полны деланных слёз — идеальная маска беззащитности для невидимого наблюдателя.

Время близилось к полуночи, но Гуй Инь всё не появлялся. Лань И начал терять терпение.

«Неужели я в прошлой жизни так сильно его запугал, что этот трус теперь боится напасть на истощённого ребёнка?»

Наконец из темноты бесшумно отделился смутный силуэт. Опустив голову, Лань И едва заметно ухмыльнулся:

«Явился».

Мгновенно стерев с лица торжествующее выражение, он поднял на гостя полные неподдельного ужаса глаза. Гуй Инь выглядел жалко: его одежды были пропитаны кровью, а из глубоких ран сочилась тёмная аура. «Надо же, как его отделали...» — промелькнуло в мыслях Лань И, но тут же напомнил себе, что сейчас он — лишь испуганный ребёнок.

Резко вскочив, мальчик со всех ног бросился к дверям избы и принялся отчаянно колотить в закрытые ставни, срывая голос:

— Помогите! Спасите! Там... там чудовище! Чудовище во дворе!

Проснувшийся от шума Чэнь Юцай хотел было разразиться отборной бранью, но, услышав крики о монстре, похолодел от ужаса. Он поспешно натянул на голову грязное одеяло и затих, боясь издать хоть звук.

Деревня Фулянь находилась у самого подножия горы Бычьей Головы, поэтому лесные твари и мелкие бесы частенько забредали на окраины. Местные жители давно привыкли к такому соседству, хотя страх перед неизведанным всё же оставался. Обычно эти существа не трогали людей, но если объявлялся действительно опасный монстр, староста немедленно отправлял вестника на гору Цанъи, и орден присылал мастеров для зачистки.

Лань И прекрасно знал трусливый нрав своего «отца» и понимал, что тот ни за что не откроет дверь. Он колотил в дерево лишь для того, чтобы усыпить бдительность преследователя.

После вчерашней встречи Гуй Инь окончательно потерял покой. Страх и ненависть к Демоническому владыке Лазурных земель за две тысячи лет въелись в его кости куда глубже, чем неприязнь к Сюань Ли. Но вспоминая растерянный, пустой взгляд, которым вчера окинул его мальчишка, он пришёл к выводу: великий владыка переродился, но его память и бывшая сила всё ещё спят. Если это действительно так, лучшего шанса покончить с извечным врагом не представится никогда.

Именно поэтому он вернулся. Демон долго выжидал в тени, не торопясь нападать и скрупулёзно изучая каждое движение жертвы. Даже сейчас его сердце малодушно сжималось от страха, но, увидев, как жалко скулит и бьётся в закрытую дверь этот недоносок, Гуй Инь окончательно убедился в своей правоте. Сомнения растаяли.

Лань И обернулся и увидел, как раненый демон медленно, шаг за шагом наступает на него.

Сейчас, когда разум вернулся, но физическое тело оставалось слабым и лишённым духовной энергии, удержать врага до прихода Тринадцати было непростой задачей. Единственным выходом оставалось скрытное плетение защитного массива. Пальцы мальчика за спиной едва заметно зашевелились, выписывая в воздухе невидимые контуры заклинания. Но в самый последний момент, когда барьер уже готов был вспыхнуть, Лань И уловил далёкое колебание духовной силы в ночном небе — к деревне стремительно приближался знакомый силуэт.

На губах юноши промелькнула мимолётная улыбка. Он мгновенно развеял незавершённые пассы, скрыв следы магии, и вновь забился в угол, картинно зарывав от «ужаса» перед приближающимся чудовищем.

Гуй Инь уже занёс когтистую руку над головой мальчика, предвкушая триумф. Он хищно и

безумно ухмыльнулся.

Но в то же мгновение ночную тьму прорезал ослепительный луч света. Ледяной клинок со свистом обрушился сверху, заставив демона в ужасе отпрянуть. И всё же полностью уклониться не удалось — острая грань вспорола предплечье Гуй Иня, окропив снег свежей кровью.

— Сюань Ли! — прорычал раненый демон, зажимая рану рукой. — Да ты преследуешь меня как проклятая тень!

Из сияющего небесного зарева прямо на заснеженную землю величественно опустился мужчина.

Одеяния его, белее свежавыпавшего снега, мягко колыхались на ветру, а длинные, иссиня-чёрные волосы, подобные струящемуся шёлку, плавно развевались за плечами. Он медленно повернулся. Каждое движение этого человека было исполнено такой неземной грации и чистоты, словно мирской прах не смел коснуться его подола.

Бессмертный странник заоблачных туманов... Каким же ветром твой чистый силуэт занесло в этот бренный мир?

<http://bllate.org/book/18239/1746387>